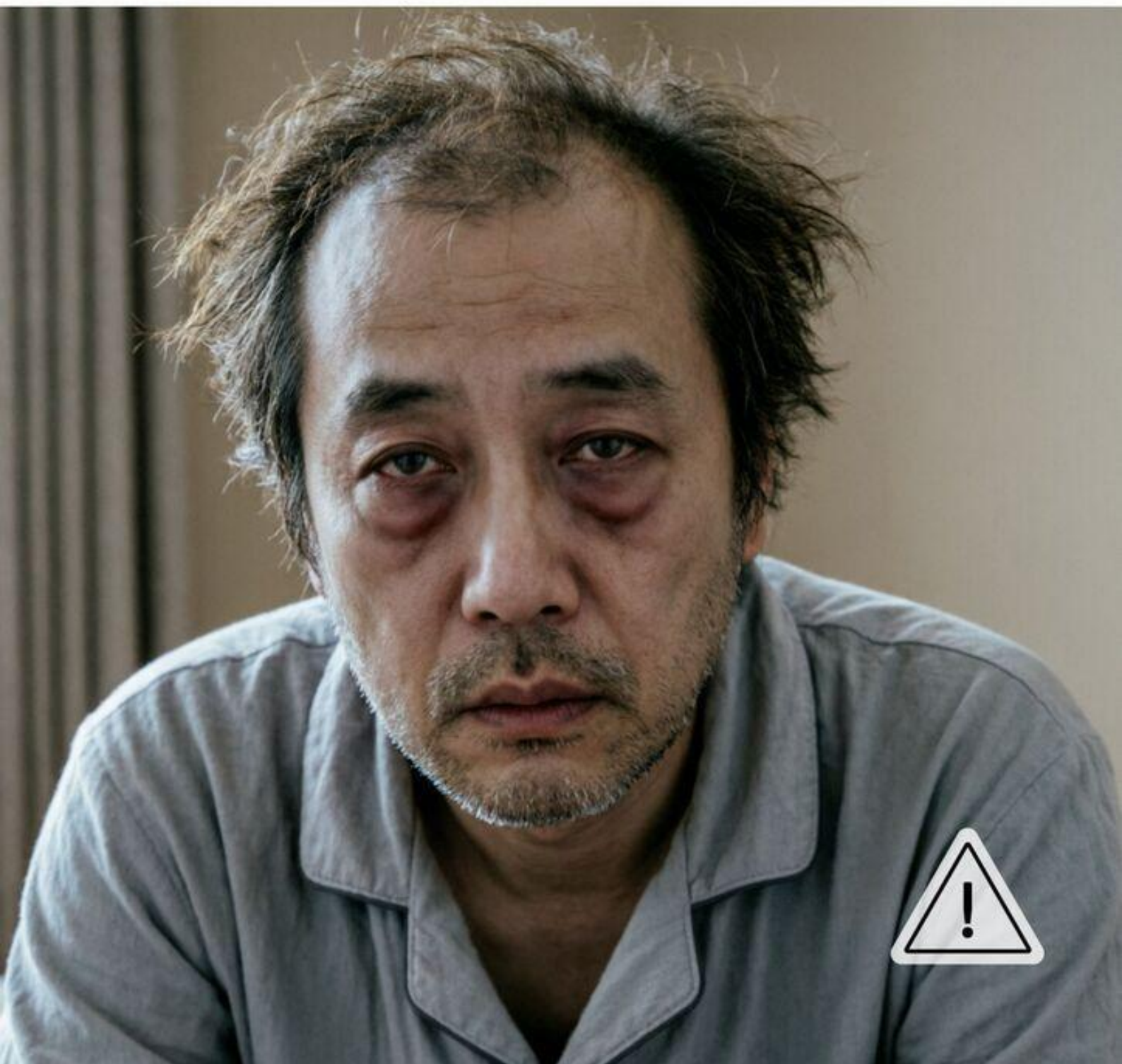

18+

НИКОЛАЙ ТРЯСЦЫН

Человек, который разучился спать

Николай Трясцын

Человек, который разучился спать

«Издательские решения»

Трясцын Н.

Человек, который разучился спать / Н. Трясцын — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Представьте себе город, в котором время пошло
вспять. Где часы на башне мэрии отсчитывают минуты в обратную сторону,
а люди спят с открытыми глазами и не знают об этом. Где доктор философии,
почтенный человек лет пятидесяти, однажды перестаёт спать, объявляет
войну Великой Иллюзии и, вооружившись тростью с набалдашником в виде
глаза, отправляется на битву с золотым петухом на церковном шпиле. Где
молодой почтальон становится оруженосцем этого странного рыцаря —
не из веры в великанов, а ради...

© Трясцын Н.

© Издательские решения

Содержание

Книга Первая: Человек, который разучился спать	6
Глава I, повествующая о докторе философии Эмиле Флориане, его странном недуге и внезапном прозрении, перевернувшем тихую жизнь провинциального городка	7
Глава II, в которой Пробужденный впервые выезжает на битву, Мартен Гупиль узнает цену рыцарской службы, а золотой петух одерживает свою первую победу	10
Глава III, в которой Мартен Гупиль заключает сделку с собственной совестью, Пробужденный находит нового врага, а в старом доме на улице Виноградной происходят странные вещи	14
Глава IV, в которой Мартен Гупиль учится читать и делает первое открытие, Пробужденный готовит наступление на Часовую Башню, а город Сен-Леон-ле-Брюм живет своей обычной жизнью, не подозревая о надвигающейся буре	18
Глава V, в которой Пробужденный и его оруженосец штурмуют Часовую Башню, Мартен Гупиль слышит голос Механизма, а время в Сен-Леон-ле-Брюм останавливается — но совсем не так, как они планировали	22
Глава VI, в которой повествуется о том, как город Сен-Леон-ле-Брюм прожил первый день без Часов, Мартен Гупиль встречает старого друга и слышит пророчество, а Пробужденный понимает, что война с Иллюзией идет совсем не так, как он предполагал	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Человек, который разучился спать

Николай Трясцын

© Николай Трясцын, 2026

ISBN 978-5-0070-9687-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Первая: Человек, который разучился спать

Глава I, повествующая о докторе философии Эмиле Флориане, его странном недуге и внезапном прозрении, перевернувшем тихую жизнь провинциального городка

В благословенной долине реки Мозель, среди виноградников, чьи лозы помнили еще римских легионеров, стоял городок Сен-Леон-ле-Брюм — место, настолько уютное и предсказуемое, что даже туманы здесь спускались с холмов строго по расписанию, словно церковный хор на воскресную мессу. В этом городке, в доме из серого песчаника, увитом плющом до самой черепичной крыши, проживал доктор философии Эмиль Флориан — человек, чья жизнь некогда текла по руслу, проложенному предками: кафедра в провинциальном университете, лекции о картезианском сомнении, умеренный скептицизм за бокалом местного рислинга и безупречная репутация холостяка, который слишком любит книги, чтобы жениться.

Ему минуло сорок семь, когда началось то, что соседи сперва называли «чужацеством», затем — «кризисом среднего возраста», а после — и вовсе замолкали, многозначительно постукивая пальцем по виску. А началось все с бессонницы. Нет, не с той банальной бессонницы, что лечат теплым молоком и настойкой валерианы. Доктор Флориан перестал спать вовсе. Три недели, четыре, месяц — он лежал в своей постели с широко открытыми глазами, но не чувствовал ни усталости, ни привычной тяжести век. Вместо сна к нему являлись видения — яркие, осязаемые, более реальные, чем стены его спальни.

Первое время он пытался бороться. Пригласил врача, старого друга Жоржа Ришара, который осмотрел его, развел руками и прописал бромид. Бромид не помог. Тогда доктор Флориан обратился к книгам — и в них, в старинных фолиантах из университетской библиотеки, нашел странное объяснение своему состоянию. В одном трактате XIII века, написанном неким монахом-бенедиктинцем, говорилось о редчайшем даре — *vigilia illuminata*, «бодрствовании просветленном», состоянии, в котором душа освобождается от оков сна и начинает видеть истинную сущность вещей, скрытую от глаз простых смертных.

И вот тут-то, на сорок второй день без сна, доктор Флориан совершил роковой шаг от науки к безумию. Он решил, что не болен. Он решил, что избран.

«Они спят, — прошептал он, стоя босыми ногами на холодном полу и глядя в окно на спящий город. — Весь мир погружен в летаргический сон, в морок, в иллюзию. И только я, я один бодрствую и вижу все как есть. Они не знают, что ходят по краю пропасти, что их души в плену у Великого Сновидца, который усыпил человечество много веков назад. И если я — единственный, кто не спит, значит, именно я должен разбудить остальных. Разрушить чары. Сорвать пелену с глаз мира».

С этого утра Эмиль Флориан перестал существовать. Вместо него в доме из серого песчаника поселился Пробужденный, рыцарь Ясного Взора, чья миссия — пронзить мечом истины Великую Иллюзию. Свое потертое академическое платье он сменил на длинный черный сюртук, расшитый серебряными нитями — символами молний, разрывающих тьму невежества. На голову он водрузил старую шляпу с широкими полями, к которой прикрепил очки с синими стеклами — «линзы прозрения», позволяющие видеть истинное обличье людей и предметов. Вместо шпаги он взял тяжелую трость черного дерева с набалдашником в виде глаза — «Жезл Разоблачения», как он его окрестил. А свой велосипед с проржавевшей цепью, стоявший в сарае без дела уже пять лет, он нарек Стремительным, скакуном, не знающим усталости, ибо движет его не педальный механизм, а сила чистой мысли.

Но чего-то еще доставало Пробужденному. Чего-то важного, без чего ни один рыцарь не отправляется на битву с мировым злом. Ему нужен был враг. Не абстрактное зло, не фило-

софская категория — а живой, конкретный, осязаемый противник, с которым можно скрестить оружие. И враг не замедлил явиться.

В тот самый день, когда солнце особенно щедро залило долину Мозеля, превратив виноградники в изумрудное море, доктор Флориан — нет, уже Пробужденный — стоял у окна и смотрел на городскую площадь. Там, на углу улицы Сен-Жак, высилась башня старой церкви. Но Пробужденный увидел не башню. Он увидел гигантскую каменную иглу, пронзающую небо, — антенну, через которую Великий Сновидец транслирует в мир свои усыпляющие волны. И на шпилье этой башни сиял золотой петух — флюгер, который поворачивался на ветру, ловя солнечные лучи.

— Вот оно! — вскричал Пробужденный, и его голос эхом прокатился по пустому дому. — Вот источник чар! Золотой Петух, который поет на заре и погружает мир в забытие! Это не флюгер, нет. Это сам Князь Сна, который свил гнездо на шпилье и гипнотизирует души смертных своим блеском. Я должен сорвать его оттуда. Я должен разбить его на тысячу осколков!

Он схватил свой жезл, нахлобучил шляпу и бросился к двери. Но на пороге замер, словно пораженный молнией. Ему нужен был оруженосец. Ни один рыцарь не сражается в одиночку. И тут судьба, которая никогда не дремлет (в отличие от обычных людей), подала знак. В дверь постучали.

На крыльце стоял почтальон — молодой парень лет двадцати с круглым веснушчатым лицом, рыжий, как осенний виноградный лист, и простодушный, как буханка деревенского хлеба. Звали его Мартен Гупиль. Он был сирота, выросший при монастыре, не умел ни читать, ни писать, но зато умел свистеть всеми птицами долины Мозеля, предсказывать погоду по форме облаков и безошибочно находить дорогу в любом тумане. В руках он держал заказное письмо для доктора Флориана из Парижской академии.

— Вам письмо, сударь, — сказал Мартен, протягивая конверт и снимая форменную фуражку.

Пробужденный посмотрел на него сквозь синие стекла своих очков. И увидел не почтальона. Он увидел благородного отрока, чья душа еще не до конца усыплена чарами, чей взор еще сохранил искру бодрствования. Он увидел будущего сподвижника, которому суждено стать первым свидетелем великого пробуждения человечества.

— Юноша! — торжественно произнес Пробужденный, отодвигая письмо в сторону, словно оно было пустой бумажкой. — Как тебя зовут?

— Мартен Гупиль, сударь. Разносчик писем.

— Нет! Твое истинное имя — Верный, ибо тебе суждено стать моим глашатаем. Скажи мне, Верный, что ты видишь вон там, на шпиле церкви?

Мартен прищурился, посмотрел на башню и честно ответил:

— Флюгер, сударь. Старый золотой петух. Его в прошлом году красили, но ветер уже облупил краску на левом крыле.

— Слепец! — вскричал Пробужденный, но в голосе его была не злоба, а скорее скорбь пророка, видящего невежество толпы. — Это не флюгер. Это Золотой Гипнотизер, чье сияние держит весь город в оковах сна. Ты думаешь, что бодрствуешь, Мартен, но на самом деле ты спишь, как и все они. Хочешь ли ты пробудиться навсегда? Хочешь ли увидеть мир таким, каков он есть, без покровов и иллюзий?

Мартен Гупиль, надо отдать ему должное, был парнем неглупым. Он сразу смекнул, что перед ним сумасшедший. Но сумасшедший безобидный и, судя по дому и сюртуку, при деньгах. А Мартену Гупилю очень нужны были деньги. Он копил на билет до Марсея, чтобы наняться юнгой на корабль и уплыть в колонии, где, по слухам, даже золотари становятся богачами. И он подумал: «Если этот безумец заплатит мне хотя бы франк в день, я буду в Марселе к Рождеству. Что мне, жалко, что ли? Буду ему поддакивать и присматривать, чтобы он не свалился в канаву».

— Хочу, сударь, — сказал Мартен, потупив глаза для верности. — Очень хочу увидеть истину.

— Тогдаходи! — Пробужденный распахнул дверь шире. — Я посвящу тебя в рыцари Ясного Взора. Ты станешь моим оруженосцем. И вместе мы совершим то, что не удавалось никому со времен древних пророков. Мы разбудим мир!

Так начался этот странный союз. Один — возвышенный безумец, чей разум, подобно воздушному шару, оборвал все канаты, связывающие его с землей, и устремился в разреженные слои иллюзий. Другой — хитрый и приземленный парень, который видел в этом предприятии лишь способ подзаработать. Один смотрел на шпиль церкви и видел вселенского врага. Другой смотрел на того же петуха и думал о том, что недурно бы его продать старьевщику — все-таки позолота.

А петух на шпиле, ничего не ведая о своей роли в судьбах мира, все так же поворачивался на ветру, ловя последние лучи заходящего солнца. И в его стеклянном глазу, если приглядеться, отражался весь Сен-Леон-ле-Брюм — такой, каким он был на самом деле, а не в воспаленном воображении бывшего доктора философии.

Глава II, в которой Пробужденный впервые выезжает на битву, Мартен Гупиль узнает цену рыцарской службы, а золотой петух одерживает свою первую победу

Солнце еще не показалось из-за холмов, а Пробужденный уже стоял посреди своего кабинета, облаченный в серебристый сюртук, при шляпе и с Жезлом Разоблачения в руке. Синие стекла его очков тускло поблескивали в свете единственной свечи. Мартен Гупиль, которого грубо растолкали за четверть часа до рассвета, сидел на табурете в углу и отчаянно зевал, прикрывая рот ладонью. Он еще не привык к тому, что его новый хозяин не спит никогда. И, кажется, не собирается давать спать другим.

— Верный! — возгласил Пробужденный, даже не обернувшись к своему оруженосцу. — Сегодня великий день. Сегодня мы нанесем первый удар по царству Иллюзии. Ты готов?

— Готов, сударь, — ответил Мартен, подавляя зевок. — Только я не понял: мы пойдем куда-то пешком или?..

— Мы поедем! — Пробужденный резко обернулся, и полы его сюртука взметнулись, словно крылья гигантской летучей мыши. — Я оседаю Стремительного, а ты возьмешь почтовый велосипед, который доставит тебя к полю битвы. Ибо битва будет жаркой.

Велосипедная экспедиция по Сен-Леон-ле-Брюму в шесть утра — зрелище, надо сказать, незабываемое. Впереди на скрипучем, дребезжащем велосипеде с ржавой цепью ехал высокий сутулый человек в черном сюртуке и шляпе с синими очками, выставив перед собой трость с набалдашником в виде глаза, словно рыцарь на турнире выставляет копье. За ним, пыхтя и обливаясь потом, крутил педали Мартен Гупиль на казенном велосипеде почтового ведомства — тяжелом, неповоротливом, с огромной корзиной для писем на руле. Корзина была пуста, если не считать бутылки сидра и куска хлеба с сыром, которые Мартен предусмотрительно захватил с собой, ибо подозревал, что день будет долгим.

Город просыпался. Булочник месил тесто в пекарне на улице Сен-Жак. Старая мадам Бонне вытряхивала половик из окна второго этажа. Мальчишка-посыльный из мясной лавки остановился с открытым ртом, провожая взглядом странную процессию. Пробужденный не замечал никого. Его взор был устремлен туда, где над черепичными крышами уже показался шпиль церкви Святого Леонарда, а на нем — золотой петух, сверкающий в первых лучах солнца.

— Он там! — прошептал Пробужденный, останавливая велосипед у церковной ограды. — Он чувствует наше приближение и готовится к обороне. Смотри, Верный! Видишь, как он поворачивает голову? Это боевая стойка!

Мартен посмотрел. Петух, разумеется, никуда не поворачивал голову. Он вообще не двигался, если не считать легкого скрипа ржавого штыря под порывом утреннего ветра.

— Сударь, — осторожно сказал Мартен, слезая с велосипеда и прислоняя его к ограде, — может, нам сначала позавтракать? На сытый желудок и воюется лучше. У меня есть хлеб и сыр. И сидр.

— Ты предлагаешь мне трапезу в виду врага?! — Пробужденный снял синие очки и протер их полкой сюртука. Мартен впервые увидел его глаза без стекол — красные, воспаленные, с лопнувшими сосудами, но при этом горящие такой лихорадочной энергией, что становилось не по себе. — Впрочем... ты прав. Воин должен подкрепить силы. Давай сюда твой хлеб. Но быстро. Враг ждать не будет.

Они уселись на каменные ступени церковной паперти. Мартен разломил хлеб, отрезал сыр и протянул половину господину. Тот жевал рассеянно, не сводя глаз с петуха на шпиле. Со стороны они напоминали двух странных паломников: один — похожий на отощавшего пророка, второй — круглолицый, веснушчатый, с набитым ртом и крошками на подбородке.

— Верный, — вдруг заговорил Пробужденный, и голос его стал непривычно тихим, почти интимным, — хочешь ли ты узнать тайну Великого Сна?

Мартен кивнул, запивая хлеб сидром прямо из бутылки.

— Много веков назад, — начал его господин, и глаза его затуманились, словно он смотрел сквозь толщу времени, — миром правил не Бог и не дьявол, а Сумрак. Не тьма, нет, — тьма честна, в ней можно зажечь свечу. И не свет — свет показывает дорогу. Сумрак — это полуправда, это сон с открытыми глазами. Сумрак придумал людей, которые верят, что они бодрствуют, а на самом деле лишь повторяют движения, внушенные им чужой волей. Они едят, спят, женятся, рожают детей, читают газеты и думают, что живут. А на самом деле они — марионетки. И кукловод сидит наверху. — Он ткнул пальцем в шпиль церкви. — Вот он. Золотой Петух. Он поет им песню, которую они не слышат ушами, но слышат душами. Песню покорности. Песню сна. И только я...

Он замолчал. Мартен доел сыр, вытер руки о штаны и осторожно спросил:

— И только вы?..

— И только я не сплю, — закончил Пробужденный. — Я вижу Сумрак. Я слышу его запах — он пахнет плесенью и старыми газетами. Я знаю, кто спит, а кто только притворяется, что спит. И сегодня я вырву язык у Золотого Петуха. Пусть замолчит. Пусть наступит тишина. А в тишине, Верный, люди начнут просыпаться. Один за другим. Медленно, мучительно, но начнут.

Мартен ничего не ответил. Ему стало не по себе. До этого момента он считал своего господина просто безобидным безумцем, чью дурь можно терпеть за звонкую монету. Но сейчас, слушая этот тихий, убежденный, почти пророческий голос, он вдруг ощутил странное чувство. Будто в словах сумасшедшего была какая-то правда. Не та правда, которую можно потрогать руками или купить за франк, а иная — глубинная, темная, как вода в старом колодце. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. «Держись, Мартен, — сказал он себе мысленно, — это просто красивые слова. Ты здесь ради денег. Ради билета до Марселя. Не дай ему себя заморочить».

— Хватит трапезы! — Пробужденный резко поднялся и стряхнул крошки с сюртука. — Время битвы!

Он подошел к церковной двери. Дверь, разумеется, была заперта — старый кюре, отец Батист, еще спал в доме приходского священника за церковью. Пробужденный подергал ручку, хмыкнул и изрек:

— Враг запер ворота крепости. Но нас не остановят простые замки! Верный, умеешь ли ты лазать по водосточным трубам?

Мартен посмотрел на водосточную трубу — старую, чугунную, всю в ржавых потеках, — потом на шпиль, который возвышался на добрых тридцать метров над мостовой, потом на своего господина.

— Сударь, — сказал он твердо, — я, конечно, ваш оруженосец. Но я не птица. И не акробат. Я почтальон. Мое дело — письма разносить, а не по шпилям лазать. Если вы хотите достать петуха, может, попросим ключи у отца Батиста? Он хороший человек, он откроет.

— Ключи! — Пробужденный расхохотался сухим, лающим смехом, который эхом разнесся по пустой площади. — Ты думаешь, Князь Сна отдает ключи от своей цитадели первому встречному? Отец Батист — не хороший человек. Он — Страж Порога. Один из слуг Иллюзии. Его задача — охранять Гнездо. Если он увидит меня, он поднимет тревогу и призовет на помощь всех спящих города. Нет, Верный, мы пойдем другим путем.

«Другим путем» оказалась звонница. Точнее, узкая боковая дверь звонницы, которая по счастливой случайности была не заперта — звонарь, месье Готье, забыл ее закрыть накануне вечером. Пробужденный воспринял это как знак свыше.

— Видишь? Сама судьба открывает нам двери!

Они начали подниматься по винтовой лестнице. Ступени были каменные, стертые тысячами ног за столетия существования церкви. Пахло сыростью, голубиным пометом и ладаном — странное сочетание, от которого у Мартена закружилась голова. Пробужденный шел впереди, стуча тростью по ступеням, и что-то неразборчиво бормотал. Кажется, он читал молитву. Или заклинание. Мартен не мог разобрать.

На полпути они миновали площадку, где висели три колокола. Самый большой, дар графа де Монтобана, был размером с хорошую винную бочку и носил имя Габриэль. Два поменьше звались Мари и Жанна. Мартен задержался на минуту, разглядывая бронзовые бока колоколов, покрытые патиной и выгравированными надписями на латыни, которых он все равно не понимал.

— Не задерживайся! — бросил Пробужденный через плечо. — Это часовые. Они молчат сейчас, но если враг почует опасность, они заговорят. И тогда весь город сбежится сюда, чтобы защитить свой сон.

Наконец они выбрались на верхнюю площадку звонницы. Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался вид на весь Сен-Леон-ле-Брюм и его окрестности. Черепичные крыши лепились друг к другу, как соты в улье. Из труб поднимался дымок — город просыпался и готовил завтрак. Виноградники на склонах холмов блестели от росы. Мозель, серебристая лента в утреннем тумане, извивался среди лугов. И над всем этим великолепием, на самом кончике шпиля, сиял золотой петух.

Вблизи он оказался не таким уж и золотым. Краска облупилась, и сквозь нее проглядывала медь. Одно крыло было погнуто, и петух слегка кособочился на своем штыре. Но Пробужденный видел не это. Он видел врага — могучего, сияющего, излучающего волны Иллюзии.

— Пришло время, — прошептал он. — Верный, подай мне Жезл Разоблачения.

Мартен, который держал трость, пока господин карабкался по лестнице, протянул ее. Пробужденный взял трость обеими руками, словно копье, и шагнул к краю площадки. До петуха оставалось метра полтора. Если бы он просто протянул руку, то мог бы коснуться его. Но Пробужденный не собирался касаться. Он собирался нанести удар.

— Проснитесь! — закричал он, и голос его, усиленный высотой и акустикой звонницы, полетел над городом, как крик чайки. — Сбросьте оковы Сумрака! Я, Пробужденный, рыцарь Ясного Взора, объявляю войну Великой Иллюзии! И первый удар...

Он размахнулся и ударил тростью по петуху.

Удар был сильным, но не точным. Трость скользнула по медному боку и сорвалась. Пробужденный, потеряв равновесие, покачнулся. Мартен бросился вперед, чтобы схватить его за полу сюртука, но опоздал на долю секунды. Сюртук выскользнул из пальцев, и Пробужденный, взмахнув руками, словно неуклюжая птица, упал.

Не в пропасть, к счастью. Прямо под площадкой звонницы проходил карниз — широкий каменный выступ, украшенный горгульями. На одну из этих горгулий, каменную собаку с разинутой пастью, и приземлился Пробужденный, успев ухватиться за ее уши. Трость выпала из его рук и полетела вниз, где со звоном разбила витражное окно церкви.

— Сударь! Сударь, вы живы?! — Мартен перегнулся через край, сердце его колотилось где-то в горле.

— Жив... — донесся слабый голос. — Но враг силен... Он отшвырнул меня своим крылом... Верный... помоги мне взобраться...

С величайшим трудом, действуя больше силой рук и отчаянием, чем умением, Мартен втащил своего господина обратно на площадку. Сюртук Пробужденного был порван на локте.

Из раны на лбу сочилась кровь. Шляпа с синими очками улетела вслед за тростью. Но глаза — воспаленные, красные — горели прежним огнем.

— Мы отступаем? — спросил Мартен, тяжело дыша.

— Отступаем? — Пробужденный утер кровь рукавом. — Нет, Верный. Мы перегруппировываемся. Сегодня враг оказался сильнее. Но это только первая битва. Война только начинается.

Снизу, от подножия башни, уже доносились крики. Это проснулся отец Батист. Кто-то звал жандармов. Мартен понял, что нужно убираться, и убираться быстро. Он буквально стащил своего господина вниз по винтовой лестнице. Они выскользнули через боковую дверь звонницы за минуту до того, как на паперть выбежал разгневанный кюре в ночном колпаке.

Обратный путь до дома на улице Виноградской был невеселым. Мартен катил велосипед, на багажнике которого, вцепившись в плечи оруженосца, сидел израненный и униженный Пробужденный. Сюртук его развевался на ветру. Кровь запеклась на лбу темной коркой. Прохожие оборачивались и качали головами — слухи о сумасшедшем докторе Флориане уже ползли по городу, как трещины по льду.

Когда они добрались до дома, Мартен уложил господина на диван, промыл рану водой из колодца и перевязал лоб чистой тряпкой. Пробужденный молчал. Он лежал неподвижно, глядя в потолок широко открытыми глазами. Мартен сел рядом на стул, чувствуя странную смесь жалости и раздражения.

— Сударь, — сказал он наконец, решившись, — можно, я скажу вам одну вещь? Как есть, без утайки?

— Говори, Верный.

— Это был не враг. Это был флюгер. Медный петух на шпиле. Вы упали не от удара крыла, а потому что оступились. И отец Батист не Страж Порога. Он просто старый священник, который теперь будет думать, что на церковь напали грабители. Вы видите то, чего нет, сударь. Это правда. Горькая, но правда.

В комнате повисла тишина. Только муха билась о стекло, не в силах понять, почему прозрачная стена не пускает ее на свободу.

— Верный, — тихо ответил Пробужденный, и в его голосе не было ни гнева, ни обиды, только усталость, — ты тоже спишь. Ты видишь флюгер, потому что тебе внушили видеть флюгер. Но я не сержусь на тебя. Ты не виноват. Никто не виноват. Кроме Него. — Он слабо махнул рукой куда-то в сторону церкви. — Но я разбужу тебя. Разбужу всех. Рано или поздно.

Мартен вздохнул. Ему вдруг страшно захотелось курить, хотя он никогда не курил. Он вышел на крыльцо, сел на ступеньку и долго смотрел на закат. Солнце садилось за виноградники, окрашивая небо в розовый и золотой. Где-то далеко, на шпиле церкви, блестел в последних лучах флюгер. Всего лишь флюгер. Мартен знал это точно. Знал умом. Но где-то в глубине души, в том темном колодце, куда он боялся заглядывать, уже поселилось крохотное, как семечко, сомнение. А вдруг? Вдруг старый безумец видит что-то, чего не видят другие? Вдруг мир устроен не так просто, как написано в газетах, которые он разносил каждое утро?

Он тряхнул головой, отгоняя глупые мысли, и пошел в дом. Завтра будет новый день. Новая битва. И, наверное, новое поражение.

Но главная битва — битва за душу Мартена Гупиля, который вошел в этот дом ради денег, а начал выходить ради чего-то иного, — уже началась. И кто в ней победит, не знал пока никто. Даже Золотой Петух на шпиле.

Глава III, в которой Мартен Гупиль заключает сделку с собственной совестью, Пробужденный находит нового врага, а в старом доме на улице Виноградной происходят странные вещи

Прошло три дня. Три долгих, тягучих дня, наполненных зноем, стрекотом цикад и тревожным бездействием. Пробужденный не покидал дома. Он лежал на диване в гостиной, отвернувшись к стене, и молчал. Рана на лбу затянулась, оставив тонкий белый шрам, похожий на нитку, но душевная рана, казалось, была глубже. Мартен носил ему еду — хлеб, суп, разбавленное вино, — но господин почти не притрагивался к ней. Он только пил воду, много воды, словно пытался залить какой-то внутренний пожар.

Мартен тем временем обживался в доме. Он вымет полы, вытер пыль с книжных шкафов, починил ставню на окне кухни, которая болталась на одной петле уже, судя по ржавчине, лет десять. Он даже нашел в чулане старую банку с краской и подкрасил облупившийся почтовый ящик у входа — просто потому, что не мог сидеть без дела. Безделье тяготило его. В безделье приходили мысли. А мысли были тревожные.

Он думал о своем господине. О его глазах — воспаленных, но ясных, как у человека, который знает что-то, чего не знают другие. О его голосе — тихом, но убедительном, как шум подземных вод. О его словах про Сумрак и Великую Иллюзию. Днем, при свете солнца, все это казалось бредом. Но ночью, когда Мартен лежал в своей камерке под крышей и слушал, как ветер гудит в трубе, ему начинало казаться, что в бреду этом есть какая-то страшная, неудобная правда.

«Он сумасшедший, — говорил себе Мартен. — Обыкновенный сумасшедший. Таких полно. В Марселе я видел одного — он считал себя Наполеоном и командовал голубями на площади. Этот считает себя рыцарем и воюет с флюгерами. Разница невелика».

Но тут же другая мысль, тихая и вкрадчивая, как змея, вползала в его голову: «А что, если нет? Что, если он видит то, чего ты не видишь? Ты, Мартен Гупиль, сирота, не умеющий читать. Что ты вообще знаешь о мире? Ты знаешь, как разносить письма. Ты знаешь, как свистеть птицами. Ты знаешь, что сыр стоит два су, а сидр — три. Но знаешь ли ты, что такое мир на самом деле?»

На четвертый день он решился. Утром, принеся господину завтрак — яйцо всмятку и ломоть хлеба, — он сел на стул рядом с диваном и сказал:

— Сударь, мне нужно с вами поговорить.

Пробужденный медленно повернулся. Лицо его осунулось, щеки впали, но глаза — глаза горели все тем же ровным, негаснущим пламенем.

— Говори, Верный.

— Сударь, я служу вам уже почти неделю. Я помог вам в битве с... с тем, на шпиле. Я тащил вас на себе через полгорода. Я не жалуюсь, нет. Но я хочу понять. — Мартен запнулся, подбирая слова. — Я хочу понять, что вы видите. Почему вы воюете с флюгерами. Почему вы не спите. Что такое этот ваш Сумрак. Объясните мне. Просто. Как ребенку. Потому что я, наверное, и есть ребенок в этих делах.

Пробужденный сел на диване. Долго смотрел на Мартена, словно видел его впервые. Потом улыбнулся — впервые за много дней. Улыбка у него была странная: печальная и светлая одновременно.

— Ты хочешь понять, — повторил он. — Это хорошо. Это значит, что семя уже брошено в почву. Хорошо, Верный. Я объясню. Но не здесь. Здесь стены слушают. Пойдем в сад.

Они вышли в сад — маленький, запущенный, заросший ежевикой и одичавшими розами. В центре сада стояла каменная скамья, увитая плющом. Пробужденный сел на скамью и жестом пригласил Мартена сесть рядом. Солнце уже поднялось над крышами и припекало довольно сильно. Где-то в ветвях старой яблони пел дрозд.

— Представь себе, — начал Пробужденный, глядя на яблоню, но явно видя что-то иное, — представь себе огромный театр. Сцена, бархатные кресла, позолоченные ложи, хрустальная люстра под потолком. И на сцене — актеры. Они играют пьесу. Играют с таким мастерством, что зрители забывают, что это театр. Они плачут, смеются, любят, ненавидят вместе с актерами. А теперь представь, Верный, что зрители заснули. Прямо в креслах. И им снится, что пьеса продолжается. Что актеры все еще на сцене. Что мир — это то, что они видят на подмостках. А на самом деле занавес давно опущен. Актеры ушли в гримерные. Свечи погасли. И только один человек в зале не спит. Он сидит в темноте и смотрит на пустую сцену. И знает: то, что снится остальным, — неправда.

Он замолчал. Дрозд на яблоне заливался трелью. Мартен слушал, затаив дыхание.

— Этот человек, — продолжал Пробужденный, — я. Не в том смысле, что я особенный. Нет. Просто я перестал спать. Случайно. Или по воле судьбы. И когда ты не спишь достаточно долго, Верный, пелена спадает с глаз. Ты начинаешь видеть вещи такими, какие они есть. Ты видишь, что церковь — это не церковь, а передатчик Иллюзии. Что мэр — не мэр, а марионетка в руках Сумрака. Что газета, которую ты разносишь каждое утро, — это не новости, а инструкции для спящих. Ты видишь мир без прикрас. И это зрелище, скажу я тебе, не для слабонервных.

— Но почему вы решили, что должны с этим бороться? — спросил Мартен. — Если все спят и счастливы во сне, может, пусть спят? Вы бы могли просто уехать. В Париж. В Марсель. Куда угодно. Жить своей жизнью. Зачем вам эта война?

— Потому что сон — это смерть, — тихо, но твердо ответил Пробужденный. — Медленная, незаметная, уютная смерть. Люди не живут, Верный. Они функционируют. Они едят, чтобы работать, работают, чтобы есть, и так по кругу, пока не упадут в могилу. Они не задают вопросов. Они не ищут истины. Они боятся тишины, потому что в тишине можно услышать голос собственной души. А душа, Верный, — она у них давно мертва. Задушена подушкой комфорта. И я... я не могу просто смотреть на это. Я должен что-то делать. Даже если мои попытки смешны. Даже если я терплю поражение. Лучше сражаться и проигрывать, чем спать и не знать, что ты спишь.

Мартен долго молчал, переваривая услышанное. Слова господина падали в его душу, как тяжелые камни, поднимая муть со дна.

— Значит, — медленно произнес он, — тот флюгер...

— Это не флюгер.

— Хорошо. Тот, кого вы называете Золотым Петухом... вы действительно верите, что он — причина всеобщего сна?

— Не причина. Символ. Инструмент. Один из многих. У Иллюзии тысячи лиц, Верный. Петух на шпиле — только самое заметное. Есть и другие. Например, часы на башне мэрии. Ты думаешь, они показывают время? Нет. Они отмеряют ритм сна. Тик-так, тик-так — это гипнотический ритм, который погружает людей в транс. Или газета «Утренний вестник», которую ты разносишь. Ты когда-нибудь читал ее?

— Я не умею читать, — напомнил Мартен.

— И слава Богу. Потому что каждая буква в этой газете — заклинание. Каждая статья — приказ спать дальше. «Цены на зерно выросли», «В Париже открылась новая выставка», «Граф де Монтобан дал бал в своем поместье» — это не новости. Это колыбельная. Шепот Сумрака: «Спите, спите, все хорошо, ничего не меняется, думать не надо, живите как жили».

Мартен почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил, как каждое утро забирал в типографии пахнущую краской кипу газет и развозил ее по городу. Вспомнил, как люди жадно хватали эти листы, пробегали глазами по строчкам и становились... какими? Успокоенными? Усыпленными? Он никогда не думал об этом раньше.

— Что же мне делать? — вырвалось у него. — Если все, что я делал, — разносил колыбельные?..

— Ты уже делаешь, — Пробужденный положил руку ему на плечо. Худая, костлявая рука, но жест был теплым. — Ты служишь мне. Ты — мой оруженосец. Мой глашатай. Единственный человек в этом городе, который хотя бы задает вопросы. Это больше, чем делают все остальные.

В этот момент произошло нечто странное. Дрозд на яблоне вдруг прервал свою песню, издал какой-то сдавленный писк и затих. В саду стало неестественно тихо. Даже цикады замолкли. А затем Мартен услышал звук — низкий, вибрирующий, похожий на гудение шмеля, только гораздо глубже. Звук шел откуда-то из-за каменной ограды сада.

— Что это? — прошептал он.

Пробужденный напрягся. Глаза его сузились.

— Оно, — сказал он. — Я ждал этого. Сумрак узнал, что у него появился противник. Он посылает своих слуг.

Из-за ограды медленно, словно нехотя, поднялось облако. Нет, не облако — рой. Тысячи, десятки тысяч крошечных мошек, серых, полупрозрачных, мерцающих в солнечном свете. Они висели в воздухе над садом, и их гудение складывалось в слова. Мартен не слышал их ушами — он слышал их где-то внутри головы, в той области, которую не назовешь ни мыслью, ни чувством.

«Спи... спи... не противься... ты устал... закрой глаза... все будет хорошо... сон — это покой... зачем тебе истина, если можно спать...»

Мартен почувствовал, как веки его наливаются свинцом. Голова закружилась. Он попытался встать со скамьи, но ноги не слушались. Краем сознания он увидел, как Пробужденный тоже пошатнулся, схватился за спинку скамьи. Лицо его побелело.

— Это они... — прохрипел рыцарь. — Пыльца Сна... Верный... не поддавайся... думай о чем-нибудь... о чем-нибудь, что не дает тебе спать...

Мартен отчаянно цеплялся за реальность. Но мысли путались. Он вспомнил море. Марсель. Корабль. Чайки кричат над волнами. Соленый ветер в лицо. Билет. Он копил на билет. Он хотел уплыть. Уплыть далеко-далеко...

«Уплыть... уплыть... во сне... во сне можно уплыть куда угодно... закрой глаза... и ты уже там...»

— Нет! — закричал он, не узнавая собственного голоса. — Нет! Я не сплю! Я бодрствую!

Он ущипнул себя за руку, сильно, до крови. Боль пронзила сознание, разорвала липкую пелену. Рой мошек дрогнул. Гудение стало громче, агрессивнее. Но Мартен уже стоял на ногах. Он схватил с земли сухую ветку и швырнул ее в середину роя. Ветка пролетела сквозь мошек, не причинив им вреда, но жест был важен.

— Прочь! — закричал он. — Прочь отсюда! Мы не спим!

И тут Пробужденный, преодолевая слабость, поднял с земли горсть сухой земли и мелких камешков и швырнул ее в рой. Пыль и песок ударили по мошкам, и те, словно по команде, начали рассеиваться. Гудение стихло. Через минуту над садом снова сияло солнце, пел дрозд, и ничто не напоминало о странном нашествии.

Мартен стоял, тяжело дыша. Сердце колотилось, в голове шумело. Он посмотрел на свою руку — та, которую он ущипнул, кровоточила. Потом перевел взгляд на господина. Пробужденный сидел на земле, прислонившись спиной к скамье, и улыбался.

— Ты сделал это, Верный, — сказал он. — Ты не уснул. Ты победил.

— Что... что это было?

— Авангард. Разведка. Сумрак проверял нас на прочность. — Пробужденный с трудом поднялся, отряхнул сюртук. — Теперь он знает, что мы опасны. И теперь, Верный, начнется настоящая война.

Вечером того же дня Мартен Гупиль сидел на крыльце дома и курил трубку. Впервые в жизни. Он купил ее днем в табачной лавке, вместе с кисетом дешевого табака, и теперь неумело пускал дым в вечернее небо. Ему нужно было подумать. Или, наоборот, перестать думать — он еще не решил.

Итак, он только что своими глазами видел рой мошек, которые говорили у него в голове. Или ему это показалось? Может, это было массовое помешательство? Может, в саду просто расплылась какая-то пыльца с яблони, и оба — он и господин — надышались ею и у них начались галлюцинации? Это объяснение было разумным. Утешительным. Таким, какое дал бы любой нормальный человек.

Но Мартен Гупиль уже не был уверен, что хочет быть нормальным человеком. Нормальные люди спят. Нормальные люди читают газеты и верят им. Нормальные люди не задают вопросов. А он, Мартен, задал. И теперь обратной дороги, кажется, не было.

Из дома вышел Пробужденный. Он переоделся в свежую рубашку, и шрам на лбу уже не казался таким страшным. В руке он держал новый жезл — видимо, нашел в чулане запасную трость, и теперь прилаживал к ней какой-то кристалл.

— Завтра, — сказал он, присаживаясь рядом с Мартемом на ступеньку, — мы нанесем удар по второму источнику Иллюзии. По часам на башне мэрии. Ты готов?

Мартен затыкнул трубку, выпустил клуб дыма и посмотрел на закат. Солнце садилось за холмы, окрашивая виноградники в цвет старой меди. Где-то далеко, на башне мэрии, били часы. Бом-бом-бом... семь ударов.

— Я готов, сударь, — сказал он. И, помолчав, добавил: — Но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Вы научите меня читать.

Пробужденный удивленно поднял брови.

— Читать? Зачем?

— Я хочу прочитать «Утренний вестник». Сам. Своими глазами. И понять, правда ли это колыбельная или просто плохая газета. Я хочу сам решать, чему верить.

Пробужденный долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Хорошо, Верный. Я научу тебя. Буква за буквой. Слово за словом. Истина начинается с умения читать.

Солнце село. Над Сен-Леон-ле-Брюм опустилась ночь. Город спал. В окнах гасли огни. И только в одном доме на улице Виноградной до рассвета горела свеча. Доктор философии Эмиль Флориан, именующий себя Пробужденным, учил почтальона Мартена Гупиля азбуке. «А» — это «арбуз». «Б» — «башня». «В» — «ветер». Буквы ложились на бумагу, кривые и неуклюжие, но живые. И Мартен, выводя их дрожащей рукой, чувствовал странное волнение — словно он не просто учит алфавит, а открывает дверь в новый мир.

Кто знает, может быть, именно с этих букв и начнется великое пробуждение? А может быть — великое разочарование. Пока что на весах судьбы качались обе чаши, и ни одна не перевешивала.

Глава IV, в которой Мартен Гупиль учится читать и делает первое открытие, Пробужденный готовит наступление на Часовую Башню, а город Сен-Леон-ле-Брюм живет своей обычной жизнью, не подозревая о надвигающейся буре

Утро выдалось серым и влажным. С холмов спустился туман, укутав виноградники плотной ватной пеленой. В такие дни Сен-Леон-ле-Брюм казался призраком — очертания домов расплывались, звуки приглушались, и даже собственные шаги по булыжной мостовой звучали неестественно тихо, словно город обернули в одеяло.

В доме на улице Виноградной горела свеча. Мартен Гупиль сидел за кухонным столом, высунув кончик языка от усердия, и выводил на обрывке оберточной бумаги кривые, пляшущие буквы. Пробужденный стоял у него за спиной, заложив руки за спину, и наблюдал за работой ученика с выражением сдержанного удовлетворения.

— «М... А... Р...» — читал Мартен по слогам, водя пальцем по бумаге. — «Мар... тен». Это я! Сударь, это я! Я написал свое имя!

— Ты написал половину своего имени, — поправил Пробужденный, но в голосе его не было строгости. — Вторая половина — «тен» — пишется не через «э», а через «е». Но для первого раза неплохо. Весьма неплохо.

Мартен откинулся на спинку стула и вытер пот со лба. За три дня он выучил уже семнадцать букв. Дело шло медленно, со скрипом, но шло. Каждая новая буква давалась с боем, как крепостная стена, но взятая, она уже не отдавалась назад. «А» — арбуз, арка, ангел. «Б» — башня, булка, буря. «В» — ветер, виноград, вода. Буквы складывались в слоги, слоги — в короткие, угловатые слова, и каждое такое слово было для Мартена маленьким чудом, вроде тех фокусов, что показывал на ярмарке заезжий фокусник.

— Зачем вам вообще учить меня? — спросил он однажды, разминая затекшую руку. — Я же простой почтальон. Мне бы письма разносить, а не книги читать.

— Ты сам попросил, — напомнил Пробужденный.

— Ну, попросил. А вы согласились. Почему?

Пробужденный подошел к окну, долго смотрел в туманное ничто за стеклом. Потом повернулся и сказал:

— Потому что чтение — это оружие, Верный. Более грозное, чем меч или копье. Спящий человек не читает. Он скользит глазами по строчкам, но не понимает смысла. Он видит слова, но не слышит голоса, который за ними стоит. А тот, кто умеет читать по-настоящему, — тот слышит. Он слышит автора, даже если автор умер сто лет назад. Он слышит правду, даже если она спрятана между строк. Он слышит ложь, даже если она красиво упакована. Я учу тебя читать, чтобы у тебя было оружие. Потому что Сумрак боится грамотных.

Мартен задумался над этими словами. В них что-то было. Что-то важное, что он пока не мог ухватить до конца, но чувствовал — нутром чувствовал, — что господин прав.

— Ладно, — сказал он, берясь за перо. — Тогда давайте дальше. Какая следующая буква?

— «Д», — ответил Пробужденный. — Дом, дорога, дерево.

— И «дурак», — добавил Мартен и усмехнулся.

— И «дурак», — согласился Пробужденный, и впервые за долгое время они оба рассмеялись.

Так проходили дни. Утром — уроки грамоты, днем — подготовка к новой вылазке, вечером — долгие разговоры в саду. Пробужденный рассказывал о своих планах, о грядущей битве

с Часовой Башней, о том, как важно остановить ритм, который гипнотизирует город. Мартен слушал, кивал, но все чаще ловил себя на мысли, что воспринимает слова господина не как бред сумасшедшего, а как... ну, скажем так, как поэзию. Как странную, темную, но по-своему красивую поэзию.

Он все еще не верил в Сумрак. Во всяком случае, так ему казалось. Но он уже не мог просто отмахнуться от слов Пробужденного. Слишком много странного произошло за последние дни. Слишком ярким было воспоминание о рое мошек и голосах в голове. И потом — была еще одна вещь, о которой Мартен никому не рассказывал. Даже господину.

Дело в том, что он начал замечать.

На второй день после нападения мошек он отправился в город за продуктами. И, шагая по знакомым улицам, вдруг остановился как вкопанный. Он увидел то, чего не замечал раньше. А может, этого и не было раньше. Но теперь — было.

Люди на улицах двигались как-то странно. Не все, но многие. Они шли слишком ровно, слишком синхронно, словно маршировали под неслышную музыку. У них были пустые глаза — не злые, не добрые, просто пустые, как окна заброшенного дома. Булочник месил тесто, но движения его были механическими, как у заводной игрушки. Цветочница на углу улицы Сен-Жак перебирала свои букеты, но делала это так монотонно, словно выполняла ритуал. И ритм — везде был ритм. Тик-так, тик-так — стучали часы на башне мэрии. Бом-бом-бом — отбивали они каждый час. И каждый удар словно накладывал новую пелену на глаза прохожих.

«Что за чертовщина, — подумал Мартен. — Может, это я схожу с ума? Может, это от недосыпа? Рядом с сумасшедшим поневоле сам станешь сумасшедшим».

Но червь сомнения уже точил его изнутри. И остановить это течение было невозможно.

На пятый день обучения грамоте Мартен сделал первое самостоятельное открытие. Пробужденный ушел в город — ему, видите ли, понадобились какие-то особые свечи для предстоящего ритуала, — а Мартен остался дома один. Он сидел на кухне, повторял буквы и вдруг заметил на подоконнике старую газету. «Утренний вестник». Тот самый, который он разносил каждое утро.

Раньше он не обращал на газету внимания. Буквы были для него просто черными заколючками на серой бумаге. Но теперь... теперь он знал семнадцать букв. И он решил попробовать.

Он взял газету и начал разбирать заголовок. Медленно, по буквам.

«У... Т... Р... Е... Н... Н... И... Й...»

«Утренний». Получилось! Он прочитал слово! Первое слово в своей жизни, прочитанное в настоящей газете!

«В... Е... С... Т... Н... И... К...»

«Вестник». «Утренний Вестник». Он прочитал название!

Сердце его колотилось от волнения. Он перевернул страницу и попытался прочитать статью. Дело шло туго. Многие буквы были еще незнакомы. Но несколько слов он разобрал.

«М... Э... Р...»

«Мэр».

«Б... А... Ш... Н... Я...»

«Башня».

«Ч... А... С... Ы...»

«Часы».

Мэр. Башня. Часы. В газете писали о башне мэрии и о часах. Мартен напряг память, пытаясь вспомнить, о чем говорили люди, когда читали этот номер. Кажется, что-то о ремонте. Да, точно. Мэр распорядился отремонтировать часовую механизм.

Но тут его внимание привлекло другое слово. Оно было набрано мелким шрифтом, почти незаметное среди остальных. Мартен с трудом разобрал его:

«С... Л... У... Ш... А... Й... Т... Е...»

«Слушайте».

Слушайте? Слушайте что? Кого? Он попытался прочитать дальше, но остальные буквы были слишком сложны. Он смог разобрать только два слова: «...каждый удар...»

«Слушайте... каждый удар...»

Холодок пробежал по спине Мартена. Он отложил газету и долго сидел неподвижно, глядя в стену. Ему вспомнились слова Пробужденного: «Каждая статья — приказ спать дальше. Это не новости. Это колыбельная».

Совпадение? Может быть. В конце концов, он прочитал только обрывки фраз. Может, там было написано что-то совсем другое, а он, по неграмотности, все перепутал. Может, там было: «Слушайте, горожане! Каждый удар часов возвещает о начале праздника!» Или что-то в этом роде.

Но червь сомнения внутри него уже не точил — он грыз. И грыз с аппетитом.

Когда Пробужденный вернулся домой с охапкой черных свечей и стеклянной банкой, полной какой-то светящейся жидкости, Мартен молча протянул ему газету и указал на прочитанные слова.

— Я прочитал это, — сказал он. — Что здесь написано дальше?

Пробужденный взял газету, пробежал глазами по строчкам и усмехнулся — сухо, невесело.

— Здесь написано: «Слушайте бой часов на башне мэрии. Каждый удар наполняет ваши сердца спокойствием и умиротворением. Не противьтесь этому чувству. Оно несет вам здоровье и долголетие. Помните: беспокойство сокращает жизнь. Тишина и покой — залог счастья». Это официальное объявление мэрии. И оно, Верный, — прямой приказ Сумрака. Замаскированный под заботу о гражданах.

Мартен почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он сел на стул и закрыл лицо руками.

— Значит, это правда, — прошептал он. — Все, что вы говорили... это правда.

— Это правда, — тихо ответил Пробужденный. — Ты сам ее увидел. Теперь ты тоже не спишь.

Весь оставшийся день Мартен ходил сам не свой. Мир вокруг него изменился. Те же самые улицы, те же самые дома, те же самые люди — но теперь он видел их иначе. Он видел ритм, которому они подчинялись. Он видел пустоту в их глазах. Он видел часы на башне мэрии, которые отсчитывали не время, а удары колыбельной.

К вечеру он принял решение.

— Сударь, — сказал он, когда Пробужденный зажег первую из черных свечей и начал чертить мелом на полу странные знаки, — я пойду с вами. На Башню. Я помогу вам остановить часы.

— Ты уверен?

— Уверен. — Мартен посмотрел на свои руки — руки, которые научились писать буквы. — Я не хочу больше спать. Я хочу видеть. Даже если это страшно.

Пробужденный ничего не ответил. Он только кивнул и протянул Мартену одну из черных свечей.

— Тогда готовься. Завтра на рассвете мы выступаем. И помни: Часы — это не просто механизм. Это живое существо. У него есть сердце. И это сердце нужно остановить.

Ночь перед вылазкой была долгой и тревожной. Мартен почти не спал (теперь он понимал, почему его господин не спит вовсе — во сне таилась опасность). Он лежал в своей каморке, смотрел в потолок и слушал, как ветер раскачивает ставни. Где-то вдалеке, каждые четверть часа, били часы на башне мэрии. И каждый удар теперь звучал для него не просто как звук. Он звучал как команда.

«Спи... спи... спи...»

Но Мартен не спал. Он бодрствовал. И в руке его была зажата черная свеча — оружие против Сумрака. Оружие, в силу которого он пока не верил до конца, но которое — он чувствовал это — изменит все.

Рассвет приближался. Город спал. Но в доме на улице Виноградской уже не спал никто.

Глава V, в которой Пробужденный и его оруженосец штурмуют Часовую Башню, Мартен Гупиль слышит голос Механизма, а время в Сен-Леон-ле-Брюм останавливается — но совсем не так, как они планировали

Рассвет еще только брезжил над холмами, окрашивая туман в бледно-розовый цвет, а две фигуры уже крались по пустынным улицам Сен-Леон-ле-Брюм. Впереди, закутанный в черный плащ, с жезлом в руке и рюкзаком, полным черных свечей, шел Пробужденный. За ним, сжимая в руке монтировку (одолженную накануне у соседа-столяра под предлогом починки ставни), следовал Мартен Гупиль. На поясе у него висел холщовый мешочек с хлебом и фляга с водой — ибо, как он резонно заметил, битва битвой, а желудок никто не отменял.

Город спал. Но теперь Мартен знал точно — это был не обычный сон. Это был Сон с большой буквы. Тот самый, о котором говорил господин. Тот самый, который опутывал улицы, как паутина, и заставлял людей двигаться в едином ритме — ритме Часов.

Башня мэрии стояла в самом центре города, на площади Сен-Луи. Это было мрачное здание из серого камня, построенное еще в те времена, когда архитекторы не думали о красоте, а думали о прочности. Башня возвышалась над площадью на добрых сорок метров, и на ее вершине, за чугунной решеткой, висели те самые часы — огромный циферблат с позолоченными стрелками, которые двигались с гипнотической размеренностью. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

— Слышишь? — прошептал Пробужденный, останавливаясь у подножия башни. — Это сердце Зверя. Оно бьется. Оно качает Иллюзию по артериям города. Каждый удар — волна. Каждая волна — приказ: «Спи».

Мартен прислушался. Да, теперь он слышал. Не ушами — внутри. Тик-так — и по телу пробегала легкая волна расслабления. Тик-так — и мысли становились вязкими, медленными. Тик-так — и хотелось закрыть глаза. Он мотнул головой, прогоняя наваждение.

— Как мы войдем? — спросил он. — Дверь наверняка заперта. И сторож там есть.

— Сторож — всего лишь марионетка, — ответил Пробужденный. — У меня есть ключ.

Он достал из кармана стеклянную банку со светящейся жидкостью. Мартен уже видел ее накануне. Жидкость мерцала бледно-голубым светом, и от нее исходило легкое тепло.

— Что это?

— Экстракт бессонницы, — пояснил Пробужденный, отвинчивая крышку. — Я приготовил его из корня мандрагоры, лунного мха и капли собственной крови. Если капнуть эту жидкость на спящего, он проснется. Если капнуть на того, кто не спит, он не уснет никогда. А если капнуть на замок... — Он подошел к двери башни и вылил несколько капель на замочную скважину. Жидкость запузырилась, зашипела, и через мгновение замок щелкнул. Дверь приоткрылась сама собой.

— ...замок откроется, — закончил Пробужденный с явным удовлетворением. — Простая алхимия.

— Простая алхимия, — повторил Мартен, качая головой. — Угу. Конечно.

Они вошли внутрь. В башне было темно и пахло машинным маслом, пылью и чем-то еще — сладковатым, удушливым, как ладан в церкви, только тяжелее. Пробужденный зажег одну из черных свечей. Пламя было странным — не желтым, а бледно-фиолетовым, почти ультрафиолетовым, и оно не давало дыма.

— Свечи из воска лунных ульев, — пояснил Пробужденный, заметив удивленный взгляд Мартена. — Пчелы, которые собирают нектар при свете луны. Их воск горит, но не дает тепла. Зато его свет видят только те, кто бодрствует. Спящие его не замечают.

Они начали подниматься по винтовой лестнице. Ступени были каменные, стертые, скользкие. Где-то в стенах тикало, щелкало, гудело — башня жила своей механической жизнью. Мартену казалось, что они идут не вверх, а вглубь — вглубь какого-то огромного организма, в его внутренности, в его сердцевину.

На втором этаже они наткнулись на сторожа. Тот сидел в деревянном кресле, откинув голову, и спал. Но спал он как-то неправильно — глаза его были открыты, и в них, как в омуты, отражался свет фиолетовой свечи.

— Не смотри на него, — предупредил Пробужденный. — Он видит сны Иллюзии. Если ты встретишься с ним взглядом, ты провалишься в его сон.

Мартен поспешно отвел глаза. Они прошли мимо сторожа на цыпочках, хотя в этом, наверное, не было нужды — спящий все равно ничего не слышал.

Третий этаж. Четвертый. Пятый. Лестница сужалась. Тиканье становилось громче. Теперь оно звучало не просто в стенах — оно звучало в воздухе, в костях, в крови. Тик-так, тик-так, тик-так — ритм пронизывал все вокруг. Мартен чувствовал, как его сердце начинает биться в такт этому ритму, против воли, против желания. Он стиснул зубы и продолжал идти.

Наконец они выбрались на верхнюю площадку. Здесь, за чугунной решеткой, находился часовой механизм. Огромный, в два человеческих роста, сложный лабиринт из шестеренок, пружин, рычагов и маятников. Все это двигалось, вращалось, щелкало, издавало низкий, утробный гул. В центре механизма билось сердце — не метафорическое, а самое настоящее. Оно было размером с человеческую голову, сделано из меди и бронзы, и оно сокращалось с ритмичностью живого органа. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

— Боже мой, — выдохнул Мартен. — Оно... живое...

— Оно — источник, — ответил Пробужденный, ставя свечу на пол и доставая из рюкзака остальные. — Сердце Иллюзии. Пока оно бьется, город будет спать. Мы должны остановить его.

— Но как? — Мартен подошел ближе к решетке и вгляделся в механизм. — Оно же из металла. Его не разрубить мечом, не разбить молотом.

— Мечом — нет. Но ритуалом — да. — Пробужденный начал расставлять свечи по кругу, чертя мелом на полу символы, которые Мартену показались смутно знакомыми — кажется, он видел такие в старой книге по астрономии. — Мы проведем Контр-Ритм. Мы противопоставим удару Часов наш собственный удар. Ритм пробуждения. Я буду читать заклинание, а ты, Верный, будешь отбивать ритм. У тебя есть монтировка?

— Есть.

— Отлично. Когда я подам знак, ты начнешь бить по решетке. Не в такт часам, а вразнобой. Хаотично. Свободно. Без ритма. Потому что свобода — это отсутствие ритма. Понял?

— Понял, — кивнул Мартен, хотя на самом деле не понял почти ничего. Но он доверял господину. Теперь — доверял.

Пробужденный зажег свечи, встал в центр круга и поднял жезл. Фиолетовое пламя задрожало, вытянулось вверх, словно пытаясь лизнуть потолок. И он начал читать. Это была не молитва и не заклинание в привычном смысле — скорее, речитатив, монотонный и тягучий, похожий на гудение пчел.

«Сумрак, Сумрак, я вхожу в твой дом. Я не сплю, и мой жезл — с огнем. Сердце бьется, но время — ложь. Ты меня не возьмешь. Ты меня не возьмешь».

Механизм дрогнул. Шестеренки на мгновение замедлили ход. Медное сердце сбилось с ритма — тук... пауза... тук-тук... пауза... тук...

— Верный! Бей!

Мартен размахнулся и ударил монтировкой по чугунной решетке. Раздался гулкий, дребезжащий звон — совсем не в такт часам. Потом еще удар. И еще. Он бил хаотично, без ритма, без системы, просто вкладывая в каждый удар всю свою злость на Иллюзию, всю свою обиду за украденную жизнь, весь свой страх и всю свою надежду.

Часы начали сбивать. Стрелки на циферблате дернулись, замерли, пошли назад. Бой часов, который должен был прозвучать только через четверть часа, вдруг раздался сейчас — но это был не чистый звон, а какой-то хриплый, сдавленный, словно часы поперхнулись собственным голосом. Бом... бом... бом... — три удара, четыре, пять, а потом — тишина.

Медное сердце остановилось.

В наступившей тишине было слышно только тяжелое дыхание Мартена и потрескивание фиолетовых свечей. Пробужденный опустил жезл. Лицо его было бледным, но глаза сияли.

— Мы сделали это, — прошептал он. — Остановили...

И тут Мартен услышал Голос.

Он шел не от механизма, не от сердца, не от стен. Он шел изнутри. Из самой глубины сознания. Или из-за его пределов. Это был голос без тембра, без интонации, без эмоций — чистый смысл, облеченный в звук.

«Ты думаешь, что победил, маленький человек. Ты думаешь, что остановил Время. Но Время нельзя остановить. Можно остановить только часы. И когда они стоят, Время все равно идет. Просто теперь его никто не измеряет. Ты не разбудил город. Ты лишил его ориентира. Теперь они будут спать без будильника. Спать вечно».

— Кто ты? — прошептал Мартен, хотя губы его не двигались.

«Я — Хранитель Ритма. Я — то, что было здесь до того, как люди построили эту башню. Я — то, что останется здесь, когда башня рассыплется в прах. Ты сломал часы, но ты не сломал Ритм. Ритм — это сама жизнь. Твое сердце бьется в ритме. Твои легкие дышат в ритме. Ты спишь и просыпаешься в ритме. Ты не можешь убежать от Ритма. Ты можешь только выбрать, какому ритму следовать».

— Я не хочу следовать никакому ритму, — мысленно ответил Мартен. — Я хочу быть свободным.

«Свобода — это тоже ритм. Просто ты еще не слышишь его».

Голос замолчал. И в ту же секунду механизм ожил снова — но иначе. Шестеренки закрутились в обратную сторону. Медное сердце забило, но теперь его ритм был другим — не гипнотическим, не усыпляющим, а резким, тревожным, будоражащим. Тук-тук-тук-тук! — как барабан перед битвой.

— Что происходит? — Пробужденный отступил от решетки. — Оно... оно не остановилось. Оно переключилось.

— Переключилось на что? — спросил Мартен, хотя уже знал ответ.

И тут они оба услышали крики. Крики доносились с улицы, снизу. Люди кричали. Но это не были крики ужаса или боли. Это были крики гнева. Ярости. Пробуждения.

Мартен бросился к окну башни и выглянул наружу. Площадь Сен-Луи, еще минуту назад пустая, была полна людей. Они выходили из домов, с растрепанными волосами, в ночных рубашках, с безумными глазами. Они кричали, размахивали руками, хватались за головы. Некоторые плакали. Некоторые смеялись. Кто-то упал на колени и начал молиться. Кто-то схватил камень и швырнул в окно мэрии.

— Что мы наделали? — прошептал Мартен. — Мы их разбудили? Или свели с ума?

Пробужденный стоял рядом, вглядываясь в толпу. Лицо его было непроницаемым.

— И то, и другое, — сказал он наконец. — Мы не остановили Иллюзию. Мы заменили одну Иллюзию другой. Они думают, что проснулись. Но на самом деле они просто переключились на другой канал. Ритм гнева вместо ритма покоя. Это не свобода, Верный. Это другая тюрьма.

— Что же делать?

— Уходить, — коротко ответил Пробужденный. — Быстро. Пока они не поняли, кто это сделал.

Они бросились вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. Сторож на втором этаже больше не спал. Он стоял посреди комнаты и хохотал, запрокинув голову, и слезы текли по его щекам. «Свобода! — кричал он. — Я свободен!» — и разбивал стулья о стену.

На улице творился хаос. Толпа росла с каждой минутой. Люди выбегали из домов, как муравьи из разоренного муравейника. Кто-то уже тащил булыжники к дверям мэрии. Кто-то кричал: «Да здравствует революция!» — хотя никто не знал, что это значит. Кто-то просто бегал кругами и кричал, как раненый зверь.

Пробужденный и Мартен, прижимаясь к стенам, пробирались прочь от площади. Улица Виноградная была в пяти кварталах, но эти пять кварталов показались им длиннее десяти километров. Всюду были люди. Безумные, растерянные, яростные, счастливые — но одинаково опасные. Потому что толпа, как сказал однажды Пробужденный, это самый страшный зверь. Даже страшнее Сумрака. Потому что Сумрак усыпляет, а толпа разрывает на части.

Когда они наконец добрались до дома и заперли дверь на все засовы, Мартен опустился на пол прямо в прихожей. Руки его дрожали. Голова гудела. Он посмотрел на своего господина — тот стоял у окна, глядя на зарево, поднимающееся над городом. Кажется, где-то что-то горело.

— Сударь, — сказал Мартен, — вы говорили, что хотите разбудить людей. Вы их разбудили. Посмотрите, что получилось. Может быть... может быть, лучше было оставить их спать?

Пробужденный долго молчал. Потом повернулся к своему оруженосцу. В фиолетовом свете догорающей свечи его лицо казалось лицом древнего пророка — усталого, разочарованного, но несломленного.

— Может быть, — тихо ответил он. — Но знаешь, Верный, что отличает пробуждение от помешательства? Помешательство — это когда ты просыпаешься и начинаешь крушить все вокруг. А пробуждение — это когда ты просыпаешься и начинаешь видеть. Видеть по-настоящему. Не ритм, не Иллюзию, не врагов. А мир. Такой, какой он есть. Прекрасный и ужасный одновременно. Я не знаю, как привести их к настоящему пробуждению. Но я знаю, что путь к нему начинается с хаоса. Через хаос — к порядку. Через безумие — к ясности. Через тьму — к свету. Мы еще не победили, Верный. Но мы и не проиграли. Мы просто начали.

За окном занимался рассвет. Город Сен-Леон-ле-Брюм, впервые за много лет не услышав привычного боя часов, просыпался в новый, незнакомый день. И никто — ни мэр, ни кюре, ни сам Пробужденный — не знал, что этот день принесет.

Глава VI, в которой повествуется о том, как город Сен-Леон-ле-Брюм прожил первый день без Часов, Мартен Гупиль встречает старого друга и слышит пророчество, а Пробужденный понимает, что война с Иллюзией идет совсем не так, как он предполагал

К полудню город успокоился. Не потому что люди одумались или вернулись в прежнее сонное оцепенение, — нет. Просто хаос, как и все на свете, имеет свои пределы. Бунт, не подкрепленный ни идеей, ни вождем, ни целью, выдыхается, как проколотый воздушный шар. Толпа, еще утром готовая крушить и жечь, к обеду растеклась по домам — усталая, смущенная, недоумевающая. Люди сидели на кухнях, пили остывший кофе и пытались понять, что на них нашло. Некоторые списывали все на дурной сон. Некоторые — на миазмы с болот. Некоторые — на происки пруссаков, хотя Пруссия была далеко и никакого отношения к делам Сен-Леон-ле-Брюм не имела.

Но главное было не в этом. Главное было в том, что Часы на башне мэрии молчали. Впервые за триста лет — молчали. И тишина эта, разлившаяся над площадью Сен-Луи, была красноречивее любого боя.

Мартен Гупиль вышел в город около двух часов пополудни. Ему нужно было раздобыть хлеба и сыра, а заодно — послушать, о чем говорят люди. Пробужденный остался дома: он сидел в гостиной, обложившись книгами, и что-то лихорадочно записывал в толстую тетрадь. «Я должен понять, что мы пробудили, — сказал он. — Ритм гнева, ритм страха, ритм свободы... Что-то новое. Иди, Верный, и будь моими глазами и ушами. Только не говори никому, кто ты и откуда. Мы теперь — тайное братство».

Мартен не спорил. Ему и самому хотелось выбраться из дома, вдохнуть свежего воздуха, увидеть живых людей, а не только воспаленные глаза господина и фиолетовое пламя свечей. Он нахлобучил кепку, сунул в карман монету и вышел на улицу.

Город выглядел иначе. Не так, как вчера, и не так, как в дни до знакомства с Пробужденным. Что-то неуловимо изменилось в самом воздухе — он стал прозрачнее, резче, словно кто-то протер запотевшее стекло. Люди на улицах двигались не так монотонно, как раньше. Одни шли слишком быстро, другие — слишком медленно. Кто-то останавливался посреди тротуара и долго смотрел в небо, словно видел его впервые. Кто-то, наоборот, брел, опустив голову, и бормотал себе под нос. Ритм исчез. Вместо него появилось что-то новое — неупорядоченное, хаотичное, живое.

На углу улицы Сен-Жак Мартен столкнулся с мадам Бонне, той самой старухой, которая каждое утро вытряхивала половик из окна второго этажа. Она стояла у дверей булочной с корзиной в руке и смотрела на вывеску, словно видела ее впервые.

— Добрый день, мадам Бонне, — поздоровался Мартен, приподнимая кепку.

— А? — она вздрогнула и уставилась на него, будто не узнавая. — А, это ты, почтальон. Скажи мне, Мартен... эта вывеска... на ней всегда было написано «Буланжери Дюпон»?

Мартен посмотрел на вывеску. На ней, как и прежде, было написано «Буланжери Дюпон». Ничего не изменилось.

— Всегда, мадам Бонне.

— Странно, — сказала она задумчиво. — Мне казалось, там было что-то другое. Или... — Она замолчала, не закончив фразы, и вошла в булочную.

Мартен двинулся дальше. На площади Сен-Луи собралась небольшая толпа — человек тридцать, не больше. Люди стояли, задрав головы, и смотрели на башню мэрии. На циферблат,

стрелки которого застыли на без четверти шесть. На черный провал окна, из которого еще утром валил дым (жандармы, вызванные мэром, быстро потушили пожар). В воздухе пахло гарью и тревогой.

— Говорят, это анархисты, — сказал кто-то в толпе.

— Глупости! Какие анархисты в Сен-Леоне? У нас тут даже социалистов нет.

— Тогда кто? Кто мог сломать часы?

— Часы не сломаны, — произнес вдруг старческий, дребезжащий голос. — Они идут. Просто в другую сторону.

Толпа расступилась, и Мартен увидел говорившего. Это был глубокий старик в длинном, не по сезону теплом пальто, с седой бородой до пояса и темными очками на глазах. Он был слеп — это сразу бросалось в глаза, — но двигался с уверенностью зрячего. В руке он держал белую трость, которой не касался земли, а словно дирижировал в воздухе.

— Кто это? — шепотом спросил Мартен у соседа.

— Не знаю. Какой-то бродяга. Пришел в город утром. Говорит странные вещи.

Старик повернул голову в сторону Мартена, словно услышал его шепот, и улыбнулся беззубым ртом.

— Часы идут в другую сторону, — повторил он, и голос его, негромкий, но удивительно чистый, разнесся над площадью. — Тот, кто их остановил, думал, что останавливает Время. Но Время нельзя остановить, как нельзя остановить реку. Можно только изменить ее русло. И теперь река течет вспять. То, что было забыто, — вспомнится. То, что было спрятано, — откроется. То, что спало в каждом из вас, — проснется. Но не так, как вы думаете. Не сразу. Не вдруг. По капле. По искре. По слову.

— Что ты несешь, старик? — крикнул кто-то из толпы. — Ты пьян?

— Я слеп, — ответил старик. — А это лучше, чем быть пьяным. Пьяный видит то, чего нет. Слепой слышит то, что есть.

Он повернулся и пошел прочь, постукивая тростью по булыжникам. Толпа расступалась перед ним, как вода перед носом лодки. Мартен, сам не зная почему, двинулся следом.

Он догнал старика на улице Мозель, у старого фонтана, который давно не работал.

— Месье! — окликнул он. — Месье, подождите!

Старик остановился и обернулся, хотя Мартен не издал ни звука, пока бежал.

— А, почтальон, — сказал старик. — Или уже не почтальон? Ты ведь больше не разносишь письма, верно?

— Откуда вы знаете? — Мартен опешил.

— У тебя шаг изменился. Раньше ты ходил в ритме. Тик-так, тик-так, левой-правой, письмо-газета. А теперь ты идешь свободно. Как человек, который сам выбирает, куда ступить. Это слышно.

Мартен не нашелся что ответить. Он стоял и смотрел на слепого, чувствуя, как по спине бегают мурашки.

— Вы... вы что-то знаете? — спросил он наконец. — О том, что случилось? О часах?

— Я знаю многое, — ответил старик. — Я знаю, что часы остановил человек, который не спит уже сорок девять дней. Я знаю, что ему помогал другой человек, который только учится бодрствовать. Я знаю, что они думали, будто сражаются с Иллюзией, а на самом деле они просто сорвали первую печать. И теперь на них лежит ответственность. За все. За каждого, кто проснется. За каждую слезу и за каждую улыбку, которые родятся из этого пробуждения.

— Откуда вы все это знаете? — прошептал Мартен.

— Потому что я видел это раньше, — сказал старик. — В другом городе. В другое время. Много лет назад. Я был таким же, как твой господин. Я думал, что я — единственный, кто не спит. Я сражался с ветряными мельницами, с флюгерами, с часами, с газетами, с радиостанциями... Я прошел этот путь до конца. И знаешь, что я нашел в конце?

— Что? — голос Мартена дрогнул.

— Себя, — ответил старик. — Того, кем я был до того, как разучился спать. Человека. Обычного смертного. Смешного. Слабого. Живого. — Он помолчал и добавил: — Истина, мальчик, не в том, чтобы разрушить Иллюзию. Истина в том, чтобы понять, зачем она тебе нужна. Каждый строит свой собственный мир. Кто-то строит его из снов. Кто-то — из бессонницы. Но и то, и другое — всего лишь стены. А за стенами — Бог. Или пустота. Это уж кому как повезет.

— Но если вы прошли этот путь, — Мартен шагнул ближе, — скажите, чем он кончился? Для вас?

— Для меня? — старик усмехнулся. — Для меня он кончился тем, что я ослеп. И когда я перестал видеть мир внешний, я начал видеть мир внутренний. И понял: то, что снаружи, и то, что внутри, — это одно и то же. Просто смотришь с разных сторон. — Он вздохнул. — Твой господин... он еще не понял этого. Он все еще воюет с теньями. Но ты... ты уже начинаешь понимать, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.